

Из дневника А. А. Половцова.

(1877—1878 гг.) ,

В III и IV тт. «Красного Архива» уже была напечатана часть дневника бывш. государственного секретаря А. А. Половцова (за 1901—1908 гг.). В настоящем томе публикуются извлечения из того же дневника за более ранний период, именно за эпоху 1877—1878 гг., когда при Александре II была произведена очередная попытка русского военно-феодального империализма к захвату Константинополя и проливов. Дневник А. А. Половцова за эти годы представляет значительный интерес, ярко изображая, с одной стороны, неподготовленность России к войне, бездарность верховного руководства военными операциями на фронте, интриги среди высших чинов действующей армии и т. д., и, с другой стороны, рисуя — на фоне войны — закулисную борьбу министров и придворных групп в столице за власть и влияние, взаимоотношения и бытовой уклад членов Романовской семьи и их сановной челяди. Перед читателем проходит изображенная далеко не в привлекательном свете галерея ближайших сподвижников «царя-освободителя», во главе с ним самим: его братья Николай и Константин Николаевичи, Победоносцев, Валуйев, Милютин, Пален, Гирс, Горчаков, Тимашев, Трепов, Скобелев и т. д. Нашли в дневнике отражение и такие события, как выстрел Веры Засулич в Трепова, суд над пей, тревожное настроение в Петербурге в связи с подъемом революционного движения и др. Все это делает публикуемую часть дневника Половцова ценным материалом для истории последних годов самодержавия Александра II.

Текст дневника воспроизводится здесь по подлиннику, хранящемуся в Особом отделе Древлехранилища Московского Центрального Исторического Архива.

1877 ГОД.

8 а п р е л я. — Сегодня утром в 5 час. государь уехал с огромною свитою в Кишинев, где, как говорят, будет объявлен манифест о войне. Повидимому, все кончено, и одна сила разрешит распрю народных самолюбий, возбужденных правительственными ошибками.

Обедавший у меня на-днях Грейг рассказывал мне, что четыре недели тому назад он пришел к государю испросить соизволение на отправку в армию контрольных чиновников для контролирования

военных издержек. «Pourquoi faites vous cela, mon cher?» ¹⁾, — сказал ему государь, — ты знаешь, что на-днях войска будут распущены, что мне удалось отвратить войну, которой я никогда не желал». — «Моя мысль, — отвечал Грейг, — заключается в том, чтобы сделать хотя бы маленький опыт, который мог бы впоследствии послужить прецедентом». — «C'est bien, — продолжал государь, — mais alors faites la chose tres en petit» ²⁾.

9 а п р е л я. — В последних нумерах «Голоса» были помещены весьма не лестные отзывы о поновках ³⁾. В. к. Константин Николаевич вызвал Краевского и стал осыпать его самыми площадными ругательствами. Краевский повернулся и ушел. В последнее заседание Государственного Совета Тимашев подошел к в. к. Константину Николаевичу и стал говорить ему, что для объяснения с журналистами есть главное управление по делам печати. «Вы напрасно это сделали», — сказал Тимашев (очевидно, с высшего разрешения). — «Да, да, — сказал Константин Николаевич, — я погорячился».

10 м а я. — Гуляя по Морской, встречаю Тимашева. Вот его оценка современного положения. Государь не хочет слышать никого кроме подлых угодников вроде кн. Суворова, которого и берет поэтому на Дунай; война — величайшее для России несчастье не только по своей разорительности, но потому, что, начав ее, правительство подчинилось псевдообщественному мнению нескольких москвичей, которые и захотят остаться распорядителями судеб государственных. Путешествие государя осуждается всеми; присутствие его в армии послужит источником интриг, не говоря о расходах, на которые смета составлена в 1½ млн., и это в то время, когда последняя нищая несет последнюю тряпку в склад Общества попечения о раненых. Императрица, возбудившая это движение, продолжает пользоваться большим и далеко не благотворительным влиянием; подзадориваемая несколькими женщинами, желающими ей нравиться, она поддерживает воинственное настроение. О речах министра финансов никто не хочет слышать; он говорит, что эта война разорит Россию, а государь отвечает, что финансовый вопрос — н е е г о д е л о. Царь-Освободитель — вот удочка, на которую ловят Александра II и журналисты и всякие либералы. Уезжая, государь назначает под председательством своего единодушно презираемого брата Константина негласный правительственный совет

¹⁾ «Для чего вы это делаете, мой дорогой?»

²⁾ «Это хорошо, но только делайте это в очень небольших размерах».

³⁾ Так были прозваны военные суда особой конструкции, придуманной ближайшим сотрудником в. к. Константина Николаевича А. А. Поповым; суда эти оказались весьма неудовлетворительными по своим мореходным качествам.

из Тимашева, Урусова, Валуева, но какие¹ его предметы ведомства и пределы власти, это неизвестно самому совету. Все это какая-то крайне опасная и крупная игра в жмурки.

20 и ю н я. — За отсутствием министра двора, министерством управляет граф Э. Т. Баранов, прекрасный человек, родственник и свой человек в доме Адлерберга. Но вот образчик того, какие люди надобны теперь в этих сферах. Гр. Адлерберг, передав министерство Баранову, не предупредив его в день своего отъезда, дал всем своим подчиненным циркулярное предписание посылать ему, Адлербергу, в главную квартиру, мимо Баранова, все касающееся денежной части или требующее высочайшего разрешения.

6 а в г у с т а. — Лето прошло для меня в весьма тягостных впечатлениях. С начала июня я переселился в Райти, имение отца моего близ Луги, и там пробыл до кончины матушки 12 июля.

По возвращении в Царское село занялся охотою, — больше ничего не остается делать среди бездействия, на которое правительство осуждает всякого сколько-нибудь мыслящего человека, и под гнетом тех ужасных для русского сердца и народного самолюбия известий, которые получаются с Дуная. С легкомыслием и беспечностью, объясняемыми только посредственностью людей, распоряжающихся судьбами России, мы вмешались в судьбу болгар, скажу более, мы подняли все это дело. Война была бы до известной степени простительна, если бы мы могли начать и кончить ее, как англичане в Абиссинии, но мы с надменностью, обличающею невежество, и в Малой Азии и на Дунае бросились вперед, а потом постыдно попятились, потративши даром и драгоценное время и драгоценную русскую кровь. На-днях приехавший оттуда для мобилизации гвардии граф Воронцов-Дашков, сторонник войны, сообщал мне весьма невеселые вести. О походе на Константинополь не может быть речи; по всей вероятности, мы вернемся из-за Балканов и прозимуем в Болгарии. Перед Рушуком стоят два корпуса неизвестно зачем, так как об осаде до сих пор нет речи. В. к. Николай Николаевич убегает от главной государственной квартиры и потому, несмотря на лежащие на нем обязанности главнокомандующего, несется вперед, как авангардный генерал, тогда как его место было бы в центре. Все великие князья уговаривали государя вернуться в Петербург после перехода через Дунай, но он заупрямился, а его присутствие положительно вредно.

10 а в г у с т а. — Известий нам не сообщают с театра войны. На-днях главнокомандующий в. к. Николай Николаевич телеграфировал России приказание принимать раз навсегда его молчание за доказательство тому, что все идет хорошо. Мудрено иметь доверие к столь глупому человеку. Говорят, после плевненского дела, куда ему

неудобно было показаться, а куда он только послал приказание, чтобы сражение было выиграно, государь *de facto* принял на себя главное распоряжение, т. е., по всей вероятности, взялся поддерживать мнения начальника штаба Непокойчицкого. Едва ли от такого порядка может быть какая польза. Граф Адлерберг пишет жене своей, что в главной квартире все уверены теперь в том, что не в продолжительном времени уничтожат Османа-пашу. При отъезде из Петербурга самоуверенность была еще больше!

В царскосельском одиночестве выдаю часто Ребиндера, назначенного недавно главноуправляющим Царским селом; он человек весьма простой, очень честный, тип времен прошлого царствования, когда сам лишенный образования государь пренебрегал познаниями, а выбирал исключительно людей, которых считал безукоризненно честными. Таким порядком Ребиндер из офицеров Преображенского полка попал в воспитатели старшего сына великой княгини Марии Николаевны. Воспитание удалось с точки зрения образования, но несчастная связь герцога Лейхтенбергского с госпожею Акинфовой погубила все, поссорила Ребиндера с своим питомцем. Ребиндер весьма благородно удалился, и притом не без серьезных для него денежных трудностей. Ему дали место гофмейстера у в. к. Михаила Николаевича; там он пробыл пять лет. Эгоизм в. князя и капризничание великой княгини Ольги Федоровны заставили его без сожаления и без обеспечения удалиться и оттуда. Государь, привыкший видеть Ребиндера с ранней своей молодости, всегда выражал ему особенное благорасположение. В начале своего царствования он сказал ему: «Твое место всегда будет при мне». Ребиндер в тот же день передал эти слова бывшему тогда в силе Ростовцеву, который сказал ему: «Любезный друг, при покойном государе я сказал бы тебе, что твоя карьера обеспечена; а при нынешнем скажу: забудь эти слова, как будто их никогда произнесено не было, и не только никому не говори про них, а и не вспоминай о них». Как бы то ни было, после нескольких лет, проведенных за границею вследствие болезни жены своей, рожденной Кочубей, Ребиндер попал управляющим в Царское село. Принимая его после назначения, государь сказал ему: «Я знаю, что теперь не те средства, что прежде, и не претендую на то, чтобы все Царское село содержалось, как прежде, по прошу тебя, чтобы мои любимые места, по крайней мере, были содержимы хорошо».

Ребиндер, полагаясь на общие отзывы, думал спокойно жить на новом своем месте, но вместо того с первых же пор подвергся докучливым посягательствам. Главная приманка для надоеданий — цветы и фрукты из императорских теплиц. Не только все, обшитое каким-нибудь придворным галуном, стало заявлять требования, но переехавшая на дачу отставная танцовщица Числова, любовница в. к. Николая

Николаевича, потребовала от Ребиндера не только фруктов, но сообщения ей всякого рода военных и придворных новостей, и это в форме письма к человеку, которого никогда не видала. Ребиндер отвечал на подобную дерзость молчанием, но вслед затем получил письмо от в. к. Николая Николаевича, рекомендовавшее ему г-жу Числову, окрещенную в Николаеву, с детьми ее, объявляя, что в этом семействе сосредоточивается все, что он любит, и прося пересылать ему, вел. князю, письма Числовой и наоборот. Ребиндер отвечал на это письмо весьма достойно, говоря о преданности своей императорскому семейству и отклоняя от себя посредничество в любовной переписке.

Вслед за Числовой напала на Ребиндера княжна Долгорукая, прислав ему анонимное письмо с приказанием высылать в квартиру генерал-адъютанта Рылеева ту долю фруктов, которая назначается самому государю в его здесь пребывание. Ребиндер продолжал отсылать лучшие фрукты императрице, — тогда из квартиры генерал-адъютанта Рылеева были возвращены посланные туда фрукты с дерзкою запискою, угрожавшею принести на это жалобу кому следует. Ребиндер, старинный товарищ по полку с Рылеевым, написал ему письмо, прося прекратить подобные записки; в ответ на это письмо он получил от Рылеева телеграмму с высочайшим повелением посылать в его квартиру фрукты, предназначенные для самого государя. Телеграмма эта с берегов Дуная прошла через руки мельчайших телеграфистов, — вероятно, для ознакомления их с тем, что заботит Александра II после плевненского поражения.

Эти презренные выходки не заслуживали бы никакого внимания, если бы не обличали целого строя нравственных уродств, красующихся на первом плане царской власти. Тут и бесхарактерность и бестактность и тупоумие, все — вещи весьма опасные в представителях власти.

Еще пример бестактности. Княжна Долгорукая имеет трех живых детей, один умер и погребен на царскосельском кладбище; желающие могут встречать императора, молящегося на этой могиле, над которою воздвигают великолепный памятник.

12 августа. — В отсутствие государя Россиею управляет некий верховный тайный совет, составленный, под председательством в. к. Константина Николаевича, из Валуева, Тимашева, Игнатьева (председателя Комитета Министров) и Гейдена. В совет этот вносятся все дела, требующие высочайшего утверждения без собственноручной подписи государя; таких дел еженедельно от 150 до 200. Им составляется общий реестр, который и посылается в главную квартиру. Реестр этот осязательно доказывает бесполезность внесения таких дел на высочайшее усмотрение. Все учреждение этого совета довольно любопытно, — два министра в нем присутствуют, а остальные призываются,

как школьники, для дачи объяснений. Особенно обижен тем, что не попал в этот совет, кн. С. Н. Урусов, председатель департамента законов, но такого бесхарактерного человека можно безнаказанно бить по щекам. Самое существование совета есть тайна; делопроизводителем в нем государственный секретарь Сольский, который решение совета сообщает управляющему отделением собственной канцелярии для объявления в форме высочайших повелений.

16 с е н т я б р я. — Осень надвигается. Война затягивается. Русские солдаты мрут бесполезно. Банкротство политическое и финансовое приближается, а вместе с ним страх о последствиях столь торжественно заявленной несостоятельности правительства, заявленной в глазах невежественного, не образованного, но очень умного народа. Валуев, которого я встретил на днях, сказал мне, что после этих военных неудач, правительство, несомненно, захочет сделать что-нибудь для народа, и весьма легко может быть, что государь захочет дать конституцию, а для этого надо иметь в запасе готовый проект конституции; мне показалось из его слов, что он стряпает над чем-нибудь подобным [sic!]. Из его головы может выйти одно бездарное подражание европейским парламентским учреждениям, крайне опасное в применении к России. Я сознаю пользу и даже необходимость обуздать зимне-дворцовский произвол, но ограничения произвольничанию желал бы найти в существующих уже силах и, конечно, преимущественно лучших силах России.

Возвращаясь в Царское село, сижу в вагоне с Тимашевым, который читает мне записку, называемую им письмом одного приятеля из Москвы. Смысл записки такой, что во время успехов превозносили правительство, а теперь его ругают после неудач. Дело кажется весьма естественным, но Тимашев выводит из этого псевдонисьма заключение, что правительство не должно обращать никакого внимания на общественное мнение. Письмо это не подписано и, по всей вероятности, составлено в черном кабинете. Это же письмо Тимашев читает за столом у императрицы.

Решительно Александру Николаевичу и Плевня не впрок, хотя рассказывают, что во время отступления Скобелева он, как окаменелый, стоял почти под выстрелами и только по настоятельному требованию Скобелева удалился. Чертков пред назначением, вследствие болезни товарищей, дежурил при государе 12 дней сряду; видно, здоровье есть залог повышения.

25 с е н т я б р я. — Возвращаюсь в Царское село. На Гатчинской станции ко мне подходит незнакомый мне священник, пробует завязать разговор, курит папироски, потягивает херес, распекает оперные арии и любезничает с какою-то сестрою милосердия. Оказы-

вается, что это священник принцессы Евгении Максимилиановны, провожавший санитарный поезд. Сколько лжи около всего этого чело-веколюбивого движения!

13 октября. — Охота в Вартемягах с герцогом Мекленбургским, Швейницем и Н. Всеволожским. Последний, служа в Конно-гвардейском полку, состоит теперь ординарцем при в. к. Владимире Александровиче. Приехав из-под Рушук сюда на несколько дней для устройства своих денежных дел, он рассказывает вещи весьма неутешительные относительно положения наших дел на Дунае: в. к. Николай Николаевич глупостью своих распоряжений вселил к себе презрение, близкое к ненависти. Невежество, грубость в обращении с ничтожными по способностям подчиненными, наконец, отсутствие везде, где было что-нибудь важное, отвратили от него и уважение офицеров и любовь солдат. Серьезного обсуждения военных планов нет; все делается более или менее наудачу по влиянию Левицкого и по раболепному послушанию Непокойчицкого.

Слава Скобелева растет ежедневно и уже дошла до того, что, когда он едет по лагерю, то все солдаты выбегают из палаток с криками «ура», что они привыкли делать для одного государя. Скобелев человек умный, решительный, безнравственный, — такой, какими были кесарь или Наполеон, такой, каких пошлая толпа любит обожать; если его не убьют, то он выйдет из войны героем-исполином. О личной его храбрости не может быть спора. В белом своем кителе, на белой лошади он дразнит турок и восхищает своих солдат. Николай Николаевич его ненавидит и в последнее плевненское дело письменно запретил посылать ему подкрепление, а получи он эти подкрепления и удержки редуты, так, может быть, Плевна была бы уже в наших руках.

О том, в каком настроении началась война, дает отчет любопытный рассказ Всеволожского, который был свидетелем следующей сцены. Тотчас после взятия Никополя, в. к. Владимир Александрович поехал к государю; в этот день Всеволожский был дежурным. Они вошли в комнату, где сидел государь, а пред ним стоял Гассан-паша, которого государь допрашивал через переводчика: «Спроси его, знал ли он, где мы перейдем через Дунай?» — Паша: «Когда с кемнибудь поссоришься, то не знаешь, в какую щеку он тебя ударит». — Государь: «Что он думает о мире?» — На какой-то незначительный ответ паши государь прибавил: «Скажи ему, что мир будет такой, как я укажу (sic)». Введенный из терпения паша на вопрос о войне сказал, что он думает, что государь с сыновьями присхал в Турцию чай пить. Разумеется, переводчик не посмел перевести этого последнего ответа. После разговора с пашей государь спросил Игнатьева, можно ли пашу пригласить к обеду и не велика ли будет честь, но Игнатьев поспешил сказать,

что велика будет честь, и стал рассказывать мнимую генеалогию пленника, а находившийся при этом Мезенцев вполголоса бормотал: «все врет подлец!» В. к. Владимир Александрович чрезвычайно расстроен, хорошо понимая окружающую его неурядицу, но, по свойственному всем им раболепству, не смеет поднять голоса.

22 н о я б р я. — Ход военных событий улучшается, но, тем не менее, конца войны не видно. В сентябре месяце меня вызывала баронесса Раден и предлагала ехать в самые отдаленные от главной квартиры госпитали, чтобы убедиться, что они имеют все, что им нужно, — я согласился под условием ехать от имени императрицы, но не иметь ничего общего с обществом «Красного креста». Должно быть, условие это не понравилось, потому что согласию моему не дано никакого дальнейшего хода.

В заседания главного управления Общества попечения о больных и раненых воинах я перестал ездить по следующему случаю: обсуждались там действия главноуполномоченного Абазы, который был назначен по высочайшему повелению, не хотел знать управления и распоряжался по своему усмотрению; при этом было заявлено, что кн. Черкасский еще больше, чем Абаза, произвольничает и распоряжается не только мимо главного управления, но даже прямо наперекор ему, так, например: хотя ему написано было не давать денег в руки, он продолжал раздавать деньги собственноручно и написал императрице, что будет продолжать это делать, потому что оно делается под глазами [sic!] апробующего то государя императора. Я настаивал на том, чтобы в отношении обоих уполномоченных было поступлено одинаково, но в этом мне отказали, причем, отведя меня в сторону, мне сказал Исаков, что Черкасский пойдет тревожить этим государя, который и без того обременен хлопотами, а мой приятель Победоносцев сказал мне: «Твое предложение непрактично. Разве ты не знаешь, что Черкасский владеет ушами государя?»

24 н о я б р я. — На-днях скончался Александр Николаевич Попов. По отзыву медиков, болезнь, его сразившая, была последствием напряженных умственных занятий. Он служил во II отделении собственной канцелярии, но служба немного давала ему дела; он занимался историею, и последний овладевший им труд была история отечественной войны. Попов был маленький, кругленький, смуглый человек с острыми глазами, постоянною улыбкою и чрезвычайно любезными манерами, что крайне редко в чиновничьем быту. Он говорил много и хорошо, с большим воодушевлением, без всякой аффектации, без ложного огня или напускного равнодушия. Он долго служил при графе Блудове и рассказывал о нем много анекдотов, из коих вспоминаю здесь один весьма характеристичный. Когда Попов, по поручению

гр. Блудова, приступил к изданию памятников дипломатических сношений России, то написал предисловие, в котором сказал, что тексты эти изданы буквально; граф Блудов требовал настоятельно, чтобы сказано было: более или менее буквально. Это и было сделано Поповым лишь в нескольких экземплярах, предназначенных для самого Блудова. Состоя в нашем Историческом обществе членом совета, Попов дал материалы, относившиеся к переговорам, предшествовавшим Отечественной войне, — донесения Чернышева, Куракина, Сухтелена. Материалы эти окончились на 26 листе, когда болезнь Попова пресекла дальнейшую его деятельность. Том этот должен был выйти в свет 12 декабря, ко дню столетнего юбилея императора Александра I. За отсутствием Гамбургера, трудно было достать что-либо из Государственного архива, и я воспользовался предложением помощника директора Публичной библиотеки А. Ф. Бычкова дополнить том хранящимися в библиотеке бумагами Сперанского. Но и тут встретилось затруднение; самую интересною из этих бумаг был проект конституции, озаглавленный им: «Проект уложения государственных законов». Я готов был напечатать этот проект, но опасался неприятностей для нашего председателя, цесаревича. Судьею этому я взял Победоносцева, состоявшего с ним в постоянной переписке; Победоносцев признал напечатание этой записки немыслимым без странной со стороны Тимашева истории. Тем вопрос и разрешился. По этому поводу у меня был с Победоносцевым следующий разговор: «Нет сомнения, что существующие порядки продолжаться не могут, настанет внезапно время перемен, а во избежание того, чтобы они были слишком круты и необдуманны, тебе (т.-е. Победоносцеву) следовало приготовить план, который ты и мог бы держать в запасе до того времени, когда при вступлении на престол нынешнему цесаревичу вздумается сделать что-либо для России, которая всегда бывала в барышах от начала всякого царствования». Победоносцев: «Я не придаю никакого значения конституционным или вообще какого бы то ни было рода формам. Надо, чтобы сам государь-то был человек, твердый на добро, разбирающий людей и т. д., а без этого всякие внешние перемены ни к чему не послужат».

Я стал ему доказывать, что одно другому не препятствует, но Победоносцев стоял на своем. Я убедился, что ясной политической мысли или программы у него нет, а что он ограничивается платоническими полурелигиозными пожеланиями нравственного усовершенствования. В прениях Государственного совета он ограничивается в речах критикою, никогда не имея положительного пред глазами идеала, к осуществлению которого бы стремился.

30 н о я б р я. — В Сенате предаем суду петербургского уездного предводителя Безобразова за денежные злоупотребления по дво-

рянской опеке. Прокурор Петербургской судебной палаты Фуке полагал освободить Безобразова от преследования; таковы почти все прокуроры, особенно любимцы ¹⁾ графа Палена.

10 декабря. — В 10 часов приехал по Варшавской железной дороге государь. Государственному совету, Сенату разрешено было приехать на станцию для встречи. Тут же была вся императорская фамилия, кроме императрицы, а также свита государева, да еще депутация от дворянства и от города Петербурга. Все это было вбито в одну комнату, в которую государь вошел и, выслушав оглушительное и, по моему мнению, не совсем уместное «ура», сказал: «Я радуюсь, что вернулся к вам; в последнее время я имел утешение и в Плевне и у детей моих, но нам предстоит еще преодолеть с божиею помощью много трудностей для окончания предпринятого дела». Затем государь сел в сани и уехал.

По улицам были расставлены войска, учебные заведения; дома украшены флагами, народ толпился по дороге. Я нашел, что государь постарел и, в особенности, похудел. Приехавшие с ним, как, например, Мезенцев, Салтыков, радешеньки, что выбрались оттуда. Жизнь в Болгарии была не только полная лишений, но и не всегда безопасная; постоянно получались тревожные известия, и между вторым и третьим плевненскими приступами было основание опасаться нападения турок в самой главной квартире, так что раз ночью вследствие уведомления казачьих разъездов главная квартира снялась с места стоянки. В. к. Николая Николаевича все поголовно и беспощадно ругают.

16 декабря. Пятница. — В общем собрании сената сражение с Маковым по делу о предании суду бобруйского предводителя дворянства Воронцова-Вельяминова за взятки при рекрутском наборе.

18 декабря. — Воскресенье. Заезжаем к Лобанову (на Михайловской площади, дом бывший Вильегорского). Бывши долго сам посланником в Константинополе, он, конечно, крайне интересуется теперешними событиями. При всем его неизменном оптимизме он высказывает убеждение, что, на основании достоверных сведений, правительство наше по этот день не выработало взгляда относительно условий мира.

31 декабря. — Поехав на охоту в Федоровское с Швейнцием и не найдя волков вследствие сильной вьюги, сидим вдвоем в избе и рассуждаем о современных событиях. Швейнци замечательно умный и своеобразно сложившийся умом человек.

Вот отрывки из сказанного им: Австрия должна взять Боснию и Герцеговину. Англия по своему политическому влиянию близка

¹⁾ Зачеркнуто далее карандашом: «тупоумного».

к положению Голландии, еще немного и англичанам останется заниматься тюльпанами. Только что умерший Виктор-Эммануил был человек замечательно проникательный, и смерть его может дать¹⁾ большим усложнениям в Италии. В настоящую минуту у нас в Европейской Турции 610 тысяч солдат, а всего вооружено 1 400 000 человек. По окончании войны следует сократить наш военный бюджет на половину, это одно спасенье для финансов. Правительство не может оставаться в теперешнем виде. Говоря о военном министре, Швейниц выразился, что Милютин — большой теоретик и не понимает многих человеческих струнок, не имеющих ничего общего с теориею, а между тем важных в военном деле. Милютин за последние годы все свои соображения основывал на предположении о войне с Пруссиею; сообразно с этим строены новые железные дороги, сообразно с этим переведены на прусскую границу все кавалерийские полки, прежде стоявшие на юге России, где продовольствие их было несравненно дешевле. Когда осенью 1876 г. Швейниц приехал в Ливадию, то пред домом государя встретил Милютина, который спросил Швейница: «*quelles nouvelles nous apportez vous?*» — «*Que vous pouvez largement disposer de la cavalerie que vous avez disposée sur notre frontiere*»²⁾ отвечал Швейниц.

1878 ГОД.

1 я н в а р я. — Целый день на охоте в Федоровском с Швейницем. Тщетно гоняемся за рысью, но убиваем лишь время. Вечером у Абазы. Сетования о том, что человек столь ограниченного ума, как Николай Николаевич, распоряжается нашим отличным войском.

В яхт-клубе говорят, что государь сегодня очень озабочен известиями, полученными относительно Австрии, что цесаревич требует присылки к нему, в качестве начальника штаба Обручева, а Николай Николаевич не хочет об этом слышать. Инструкции о заключении перемирия посланы Николаю Николаевичу два дня тому назад.

Разговаривая с Швейницем о печальном главнокомандовании в. к. Николая Николаевича, я ему сказал: «Вы должны бы написать своему императору, чтобы он посоветовал нашему сменить своего брата». — «Н уже сделал это», — был ответ Швейница.

4 я н в а р я. — Государь получил одну телеграмму от султана, а другую от королевы Виктории с просьбою о мире. Обедавший с нами Лобанов находит телеграмму королевы Виктории весьма дурным пред-

¹⁾ Одно слово не разобрано.

²⁾ «Какие новости привезли вы нам? — Что вы широко можете использовать кавалерию, расположенную на нашей границе».

знаменованием; это опять повторение того, что предшествовало Восточной войне. Приехавший после обеда Новиков, наш посол в Вене, разделяет это мнение. Он утверждает, что до сих пор отношения к нам Австрии были примерные и продолжатся до тех пор, пока Андраши будет первым министром, но может настать минута, когда наша политика сделает положение Андраши невыносимым, и тогда он не замедлит сложить с себя звание первого министра, так как, владея значительным состоянием и имея вообще видное и независимое положение, он всегда будет пользоваться большим почетом. Бейст не будет никогда его приемником, потому что его все в Вене ненавидят, а император поддерживает потому только, что сам перевел его из саксонской службы; Бейст не имеет ни гроша, и потому император держит его послом, чтобы не лишить его насущного хлеба. Присутствие Бейста в Лондоне, а Эллиота в Вене, без сомнения, приносит нам много вреда.

Относительно Пруссии Лобанов думает, что мы можем безусловно рассчитывать на ее дружбу, потому что Бисмарк надеется разрешением восточного вопроса без участия Франции навлечь надолго ее нерасположение. Новиков, напротив, полагает, что на дружбу Пруссии не следует рассчитывать вовсе, так что, в случае объявления войны Австриею, по мнению Новикова, весьма вероятно, Пруссия вместе с Австриею пойдет против нас.

6 я н в а р я. — Приехавший вчера умный Влангали рассказывает много любопытного относительно Франции. Вдыхая о наших делах в Турции, передает рассказ военного агента в Белграде графа Ларош-Шуара, который, прийдя к Милану, передал ему сообщение французского военного агента в Бухаресте, который, по поручению кн. Горчакова, советовал Милану оставаться в покое, а в ответ на это Милан показал Ларош-Шуару депешу в. к. Николая Николаевича, наставлявшего на скорейшем выступлении в поход.

7 я н в а р я. С у б б о т а. — Граф Шереметьев, адъютант цесаревича, уезжающий завтра на Дунай, говоря об отношениях цесаревича к Николаю Николаевичу, между прочим, рассказывает, что государь, уезжая из Болгарии, приказал своему гвардейскому конвою перейти к цесаревичу. Тотчас после отъезда государя Николай Николаевич отменил это приказание и велел государеву конвою оставаться при себе.

8 я н в а р я. В о с к р е с е н ь е. — Являюсь государю благодарить за полученную владимирскую звезду. Что за скопище подбострастных глупцов представляет Зимний дворец! По обыкновению, пред окончанием обедни представляющихся ранжируют в так называемой арабской комнате. Обер-камергер граф Хрептович читает список, покуда государь обходит представляющихся. В прежнее время я слы-

хал при подобных случаях любезности, как, например: «Надеюсь, что буду еще иметь случаи тебя награждать», или расспросы о жене, детях и т. п., но теперь дело кончается сухим поклоном; все за то, что осмелился не звать княжну Долгорукую на свои балы.

11 января. Среда. — Крестины Бориса Владимировича. Государь в драгунском мундире, которого [sic] в. к. Владимир Александрович шеф; полк отличился притом в эту войну. Все эти важные соображения по поводу надетого им мундира государь объясняет сделанному им при этом флигель-адъютантом офицеру этого полка.

Стоя во время крестин в церкви, слышу от Мезенцева, что государь сказал ему в этот день: «Je reçois de meilleures nouvelles d'Autriche» ¹⁾. Я говорю Мезенцеву: «Самая лучшая новость была бы смена главнокомандующего». — Об этом уже многие пробовали говорить, но ответ всегда один: «Я его назначил, и я ему верю». — Ответ — достойный государя, ставящего свое самолюбие выше блага отечественного, ответ, повторяемый каждым министром о подвластном ему чиновнике.

13 января. Пятница. — В общем собрании Карамзин, опровергая мнение Шамшина, говорит ему непростительные грубости. Пред обедом захожу к Валуеву, которого речь приблизительно такова: положение наше в настоящую минуту крайне серьезно и даже опасно, опасно в особенности потому, каким порядком дела обесуждаются. Государь совещается только с Горчаковым и Милютиним. Еще в прошлом году приглашались к совещаниям кроме меня министры финансов и внутренних дел, но теперь и они в стороне, так что при одряхлевшем Горчакове всем распоряжается один военный министр. Таким образом уничтожен всякий обмен мыслей, и все, что случится, ляжет исключительно на ответственность государя в глазах народа.

Жаль только, что Валуев говорит это лишь с того дня, как его перестали приглашать.

14 января. Суббота. — Приехавший из Тырнова граф Протасов-Бахметев рассказывает дело под Еленою. Он, будучи свиты генерал-майором, был откомандирован состоять при II корпусе. 6 сентября он приехал к в. к. Николаю Николаевичу просить его, чтобы позиция под Еленою была укреплена, так как в Тырново хранились огромные запасы хлеба и пороха, до которых Сулейману, очевидно, было выгодно добраться, не говоря о стратегическом значении этого пункта. Главнокомандующий сознал значение этого пункта и обещал все сделать, прося об одном, чтобы Протасов ничего не говорил государю. Протасов возвратился в Тырново, но прошел сентябрь, октябрь, наступил ноябрь, и однако, несмотря на частые представления, поло-

¹⁾ «Я получил более хорошие известия из Австрии».

жение войск, стоявших у Елены, не улучшалось. Мирский в это время писал жене своей, показывавшей эти письма, что положение войск преопасное. С 10 ноября стали, можно сказать, домашними средствами устраивать укрепления согласно мысли Протасова и 21 вечером окончили самые важные работы. 22 утром Сулейман напал, и тут продолжался ожесточенный, несчастный бой, в течение коего Протасов, прискакавший из Тырнова, постоянно оставался при Мирском и не может нахвалиться его нравственными и боевыми качествами. По окончании дела Протасов сделал подробный план и привез его с донесением императору. Государь принял его в присутствии Адлерберга и Милютина. Любопытно, что на карте, имевшейся у государя, были ошибочно написаны одно вместо другого названия деревень, так что по телеграфным донесениям государь думал, что турки в тылу русских, когда они стояли перед нами.

Когда вслед за тем Протасов пошел с донесением к Николаю Николаевичу, то главнокомандующий, сидевший в палатке с георгиевскою лентою, как ребенок с игрушкою, встретил его, сжав кулаки и угрожая ими Протасову, причем сказал: «Что ты наврал государю?» — «Ваше императорское высочество, — ответил Протасов, — я 25 лет служу и еще никому не врал, а тем менее государю императору».

Вот какой грубый и глупый человек начальствует над бедным русским войском.

16 я н в а р я. В о с к р е с е н ь е. — Мир считают почти заключенным. Разговаривая вечером у Абазы о русских финансах, слышу от него следующее: начало нашему финансовому расстройству положила мера, уничтожившая платеж 5% на суммы, внесенные в кредитные установления; в то время платили 5%, а получали 4%; разница эта составляла издержку около 10 млн. Министр финансов Брок хотел избавиться от этой издержки, Чевкин рассчитывал, что вынутые частными лицами из кредитных учреждений деньги оживят промышленность, в. к. Константин Николаевич тоже имел какие-то свои соображения. К их мнению принадлежало еще два члена, а затем весь Государственный Совет был поголовно против, но государь согласился с меньшинством. Капиталы из кредитных учреждений ушли, создались необдуманные предприятия, поглотившие значительную часть этих капиталов, а правительство стало затем делать займы на гораздо более отяготительных условиях, чем те, на которых у него прежде лежали деньги.

24 я н в а р я. В т о р н и к. — Придя в Сенат, узнаю о том, что какая-то женщина, подавая Тренову просьбу, выстрелила в него из револьвера. Говорят, то месть за жестокое обращение Тренина с лицом, по имени Боголюбовым, который содержался в тюрьме и не снял пред

Треповым шляпы. Узнав, что он уже приговорен к ссылке в Сибирь, Трепов велел его жестоко высечь, что было совершенно произвольно. Женщина эта дождалась окончания политического процесса, опасаясь, вероятно, поступком своим отягчить судьбу обвиненных; вчера объявлен приговор, а сегодня раздался выстрел. По приговору 90 человек оправдано, а 60 вменено в наказание продолжительное содержание в тюрьме; всего один приговор к каторжной работе, и то за убийство, пятеро его пособников присуждены к ссылке в Сибирь на поселение, а около 30 человек решено выслать на жительство в отдаленные губернии.

Только бездарность и желание выслужиться могли раздуть подобное дело до таких нелепых размеров.

6 февраля. — В 2 часа возвращаются с Дуная великие князья: цесаревич, Владимир Александрович и Алексей Александрович.

7 февраля. Вторник. — В 10 часов еду поздороваться с в. к. Владимиром Александровичем. Вот резюме его впечатлений: успехами мы обязаны исключительно русскому народу, все сделал солдат, а никак не наша братья, генералы. В русском народе за эту войну выказалась такая сила, такая мощь, что страшно становится. Я: «А что под этим впечатлением будет после заключения мира?» Великий князь: «И предвидеть невозможно все, что подымется. Только бы теперь, после стольких жертв, не трусили Европы, а твердо стояли на своем. Никто в Европе войны не хочет».

8 февраля. Среда. — Заключение прокурора о прекращении политического процесса какого-то крестьянина. При прочтении доклада, излагающего показания обвиняемого, его переписку, невольно приходишь к мысли, что все устроено так, что человек, вполне добросовестный, приехавший в Петербург с намерением получить в нем образование, должен неизбежно сделаться нигилистом, врагом существующего порядка. Этот вопрос важнее, чем наказание единичных жертв этого порядка.

9 февраля. Четверг. — Встречаю Гамбургера, который радуется, что ему удалось назначить Бека директором Государственного архива. Бек — человек крайне почтенный, добросовестный, образованный, но за все свое управление Горчаков его преследовал как представителя несельеродовского режима; теперь ему дали это место для того, чтобы его место члена совета отдать Фредериксу, который, опасаясь смерти Горчакова, желал бы иметь место более прочное, чем просто секретаря.

О Горчакове Гамбургер говорит, что он бесится за то, что Бисмарк отказался принять участие в конференции, а что вследствие того и ему, Горчакову, не приходится туда ехать.

11 февраля. Суббота. — Охотился на волков в Федоровском вместе с Воронцовым, который рассказывает, что, приведя гвардию на Дунай, под Илевну, принял над нею командование в качестве начальника штаба. Провиант доставлялся войску крайне неисправно и дурного качества. Воронцов не переставал писать и телеграфировать и в. князю Николаю Николаевичу, и Непокойчицкому, и цесаревичу. В один прекрасный день он получил бумагу, извещавшую его, что он назначен командовать кавалериею Рушукского отряда, — командование чисто номинальное, потому что кавалерия эта была растянута на 80 верст, и притом всего в числе менее двух дивизий. «К тому же, — прибавил Воронцов, — надо сказать правду, что я не ужился бы с Гуркою, не позволил бы ему лгать, как это было, например, под Телишем, где он донес, что лейб-егеря атаквали, не имея на то приказания, когда письменное о том приказание сохранилось до сих пор».

Конечно, в этой немилости Воронцова было и то, что в поставке провианта участвовали и любовница великого князя Числова и управляющий Непокойчицкого Грегор, было также и общее нерасположение в. к. Николая Николаевича к цесаревичу, но были еще и другие причины. На Дунае не возлюбил Воронцова сам государь, всегда ему протезировавший. Прежде всего рекогносцировка под . . . , ¹⁾ не принесшая будто бы особой пользы, а, между тем, положившая около 300 человек, произвела на Александра Николаевича неприятное впечатление, несмотря на то, что в день самого дела он телеграфировал императрице: «L'affaire de Vorontsoff a été brillante» ²⁾. После Илевны, 30 августа, государь в присутствии Гамбургера сказал: «Это все . . . , ¹⁾ принесла мне несчастье». Потом были против Воронцова еще два странные повода к неудовольствию, сообщенные мне Мезенцевым. Когда, после второй атаки на Илевну, признано было необходимым вызвать поскорее гвардейский корпус, то Воронцов, которому в качестве начальника штаба поручено было привести гвардейский корпус, прямо из отряда цесаревича устремился в Петербург, а государь по поводу его отъезда сказал Мезенцеву: «А Воронцов даже не потрудился со мной проститься». Во время пребывания в Петербурге Воронцов с полною откровенностью высказал положение дел императрице и цесаревне. Это было также поставлено ему в большую вину.

19 февраля. — Вечером получено известие о подписании мира, о чем и возведено пушечными выстрелами. У Абазы узнаю, что, по сведениям военного министра Милютинна, Бисмарк принял председательствование на конгрессе, имеющемся собраться в Берлине. Я нахожу это обстоятельство крайне благоприятным потому, что таким

¹⁾ Одно слово не разобрано.

²⁾ «Дело Воронцова было блестяще».

путем впавший в детство кн. Горчаков отдается в опеку Бисмарка, который, по интересам непрусским, удержит нас от войны, а по интересам прусским и без того возьмет от нас все, что ему угодно.

1 м а р т а. — На похоронах безответного Николая Борисовича Штиглица выслушиваю от его шурина, Грейга, следующее: «Сегодня утром я представил государю свой конфиденциальный отчет, печатающийся в весьма ограниченном числе экземпляров. В первый год моего вступления в государственный контроль я 26 февраля испросил у государя аудиенцию для представления отчета; государь назначил мне 2 марта. Когда я в этот день вошел в комнату, то государь, как бы несколько встревоженный, сказал мне: «А отчет?» Я ответил, что он у меня в руках. «Нет, ты, пожалуйста, присылай мне его 1 марта, и мой отец и я привыкли находить его в этот день утром на своем столе». Говоря об этом отчете, представленном в нынешнем году, Грейг сказал мне, что он включил в него предположения об устройстве контрольного в среде Сената департамента, как высшего контрольного учреждения, об уменьшении числа контрольных палат. Предположения эти совершенно несогласны с мнением товарища государственного контролера Островского, который находит их противоречащими основным идеям покойного Татаринова.

Выслушивая эти сообщения Грейга, я ему сказал, что если он заботился об успехе своих преобразований, то должен позаботиться о выборе своего преемника, так как, сколько мне известно, его ожидает в скором времени назначение на пост министра финансов. «Да, — отвечал Грейг, — по всему кажется, что это назначение меня ожидает; сам государь выразился на днях в этом смысле, но именно потому, что оно в высшей степени вероятно, именно потому-то я и думаю, что оно не случится. Впрочем, это назначение для меня не особенно привлекательно, хлопот гораздо больше, чем на месте контролера, а между тем здесь я имею дом, который я устроил для своего семейства, тогда как у министра финансов очень дурная квартира».

Такой возвышенный взгляд русского государственного мужа напомнил мне, как несколько лет тому назад я обедал у австрийского посланника Лангенау, и присутствовавший на обеде гр. Пален громко сказал: «Il n'y a qu'une bonne chose dans la position de ministre de la justice, c'est la maison qui est charmante» ¹⁾.

14 м а р т а. — Захожу к в. к. Владимиру Александровичу поблагодарить за то, что пригласил меня на охоту, но я не мог воспользоваться этим приглашением. По его мнению, войны с Англией не бу-

¹⁾ «Есть только одна хорошая сторона в положении министра юстиции, это — очаровательный дом».

дет; чтобы не пропустить англичан в Черное море, для нас достаточно занять европейский берег Босфора, что мы и можем сделать ежедневно, — таково мнение Тотлебена; с Австриею все улажено; надо было успокоить самолюбие, и это сделал принц Александр Гессенский, а успех припишет себе Игнатьев. В. к. Владимир Александрович жалеет о выборе такого посланца.

16 марта. Четверг. — В 2 часа открытие китайской выставки. Совершенно неожиданно приезжает государь, которого занимают сначала китайский костюм, который он надевал в 1833 г. на костюмированном бате, а потом эмалевый, отделанный в парижскую бронзу, столовый сервиз, принадлежащий в. к. Екатерине Михайловне. Из этого сервиза он приказывает достать часы и рассматривает их, как детскую игрушку; художественная сторона всех этих предметов вполне от него ускользает. Совсем не так смотрит императрица; она внимательно вникает в каждую вещь и, слушая Влангали, а немножко и меня, схватывает вскоре и красоту вещей и смысл, роскошь восточного искусства. Осмотр длится более часу, после чего императрица осматривает технический музей.

Государь, по обыкновению, меня игнорирует, а я доставляю себе удовольствие с усиленною вежливостью провожать его на мороз до коляски, тогда как те, с кем он любезно разговаривал, остаются в стенах здания.

20 марта. Понедельник. — Завтрак у в. к. Владимира Александровича с цесаревичем и цесаревною. Владимир Александрович, по чисто великокняжескому обыкновению, говорит о прошедшем, о своем детстве, которое оставило в нем самое неприятное воспоминание, представляет в комическом виде и распоряжения своих воспитателей и равнодушие своих родителей, жалуется, в особенности, на то, что их дурно кормили («Он nous donnait des beefstak tailles dans les chairs de la reine Victoria») ¹⁾, что их кормили мало и что они радехоньки были, когда по праздникам их приглашали к родительскому столу. «J'ai remarqué, — заключил он, — que mes frères cadets ont eu la vie beaucoup plus facile et que c'était toujours le cas pour les enfants à mesure que les parents vieillissaient» ²⁾. Слушавший все это цесаревич от времени до времени прибавлял: «Un degoutant souvenir» ³⁾, а цесаревна сказала: «Mais aussi quelle drôle d'idée d'avoir pris Gogel pour instituteur» ⁴⁾.

¹⁾ «Нам давали бифштексы из мяса королевы Виктории».

²⁾ «Я заметил, что моим младшим братьям жилось гораздо легче и что так всегда бывает с детьми по мере того, как родители стареют».

³⁾ «Отвратительное воспоминание».

⁴⁾ «Но и что за странная мысль взять Гогеля в воспитатели».

Среда, 22 марта. — В 2¹/₂ у цесаревича в Аничковом дворце встречаю на лестнице кн. А. Б. Лобанова и графа Уварова, выходящих от вел. князя, с которым говорили об его Московском музее и предполагающейся в Москве выставке по случаю двадцатипятилетия царствования.

Цесаревича нахожу, по обыкновению, крайне любезным. Говорю ему приблизительно следующее: «Я не видал еще вас с вашего приезда и потому прежде всего приветствую ваше высочество по поводу счастливого вашего возвращения. Вам известно, что лесть чужда устам моим; если бы вы в этом отношении могли иметь какое-либо сомнение, то будущность разубедит вас в том, а потому сегодня от чистого сердца я могу сказать, что среди тяжелых минут, переживаемых Россией, я вижу для нее большое счастье в том уважении, том сочувствии, которым вы себя окружили; Россия не Англия, и для нее было бы величайшее несчастье иметь наследником престола человека, как принц Валлийский. Вы пережили ужасное время». Цесаревич: «Да, а, кажется, придется переживать еще ужаснее. Все заставляет думать, что мы накануне войны с Англией. Войну эту, конечно, можно было бы избежать, если бы хотя кто-нибудь в Европе действительно хотел достигнуть примирения между Англией и нами, но вместо того успехи наши увеличили prestige ¹⁾ [sic!] России и ненависть к ней». Я: «Главная беда все-таки, как я уже говорил вам, заключается в том, что у нас нет среди правительства государственного обсуждения серьезных дел; без сомнения, я не говорю о парламентах, а разумею лишь собрание людей независимых, образованных, обменивающих мысли в прениях и представляющих различные стороны обсуждаемого вопроса. И в высших и в низших сферах правительства царствует полный разлад. Всякий режим опирался на какой-нибудь элемент предпочтительно. У нас в России все ослаблено, расстроено, осталась грубая толпа с общиной, с кабаком, на которую, разумеется, нельзя возлагать надежд, как на элемент порядка. В прежнее время все основывалось на помещике, его уничтожили, но, не сожалея более о крепостном праве, нельзя не сожалеть о том, что окончательно уничтожен представитель большего, чем мужик, просвещения. Правительство действует успешно, когда ему в помощь призываются лучшие люди страны, люди наиболее богатые и просвещенные, что в смысле политическом почти то же самое. Как сделать это у нас? То великая задача... ваше высочество! Когда я подумаю о том, какие страшные трудности вас ожидают в будущем, то мне вас жаль от души. Дай вам бог нужные для преодоления этих трудностей нравственные силы, но силы эти должны быть очень, очень велики!»

¹⁾ «Престиж».

После этого мы поговорили о делах Исторического общества, причем цесаревич назначил днем годовичного собрания следующий понедельник.

26 марта. Воскресенье. — Визит Градовскому (А. Д.), профессору государственного права. Живет в весьма скромной квартире 4-го этажа на Васильевском острове. Высокого роста, с умными выразительными глазами, весьма резкими чертами лица; схожусь с ним в той мысли, что одного надо желать — постепенного улучшения, а никак не крупного переворота всегда и во всем. Обсуждаем интересующий нас обоих вопрос административного суда и изменений, необходимых в функциях 1-го департамента Сената. Для меня совпадение наших мнений тем приятнее, что до этих результатов мы дошли различным путем. Он — теориею, а я — практикою.

От Градовского захожу к Трепову, у которого не был еще со дня покушения на его жизнь. Нахожу его почти совершенно здоровым, гуляющим по великолепным комнатам дворца, отданного ему в прошлом году и в котором еще недавно помещались все судебные и губернские учреждения Петербургской губернии. Трепов, по обыкновению, бранит всех: какая это политика, разве можно так вести дела, государь видит только Горчакова, Милютина да Адлерберга, а не знает всего того, что говорят другие. Как же не иметь более обширных совещаний? Все либеральничество, идем освобождать болгар, а дома-то что делается? Царь-освободитель, да, всякие свободы будто бы надавал другим, а свою ни в чем не стеснил, все на наш счет. Каково теперь, в меня выстрелили, да меня же тянут в окружный суд, а ему все равно.

Признаюсь, такого заключения я никак не ожидал.

29 марта. Среда. — Из Аничковского дворца возвращаюсь домой пешком с Жомини, который не перестает говорить, что нельзя вести дела так, как они ведутся. Канцлер совсем выжил из ума. Пред посылкою своей ответной ноты на имя Салисбюри он читал ее государю в присутствии императрицы, которая не одобряла мысль настаивать на конгрессе. Горчаков отстаивал необходимость конгресса, а на другой день утром сказал Жомини, что передумал и что, в самом деле, конгресса не нужно. Жомини, с своей стороны, настаивает на конгрессе; по его мнению, легче уступить собранию дипломатических представителей европейских держав, чем отдельным требованиям того или другого. Сожалеет об упрямстве государя по бессарабскому вопросу, — возвращение этой ничтожной территории Александр II считает делом личной своей чести и упорно отказывается слушать противоположные этому мнения.

31 марта. Пятница. — Отправляюсь слушать дело о покушении на жизнь Тренова. Зала набита публикою, а места за судьями

переполнены высшими чиновниками, начиная с кн. Горчакова. Самая зала бессмысленна потому, что для публики устроен двухэтажный театр, в котором председателю невозможно следить за нарушением порядка, а тем менее предотвращать его. Председательствует Кони, бывший прежде прокурором, потом вице-директором в министерстве юстиции и только что назначенный председателем окружного суда, не привыкший председательствовать; несмотря на свои познания и талантливость, исполняет весьма неудовлетворительно председательские обязанности, требующие прежде всего распорядительности. Есть и желание либерализироваться. Прокурор¹⁾, тоже какой-то недавно назначенный из судебных следователей, молодой человек, чуть ли не шопотом произносит затверженный урок о том, что мнения всякого свободны, но что никто не вправе присваивать себе прав суда, т.-е. постановлять приговор и приводить его в исполнение. Обвинение это столь же относилось к Засулич, сколько и к Тренову. Адвокат Александров бил на скандал, вел дело не о Засулич, а о Тренове и вызывал рукоплескания публики, размещенной в двух этажах театральной залы, а не судебной комнаты. Заседание это произвело то же впечатление, какое должно было произвести на смотревших со смыслом первое представление «Севильского цирюльника» при дворе Людовика XVI.

На-днях открыта двухмиллионная растрата в банке взаимного поземельного кредита. Виновник — кассир Юханцов. Он был женат на дочери гофмастера Фетейзена и этому был обязан получением места кассира. В банке лежали принадлежащие правительству консолидированные облигации, и вот ими Юханцов распорядился так, что в течение шести или семи лет вел самую распутную и роскошную жизнь на глазах и правления банка и всяких полиций. У него постоянно обедали и ужинали всякие Лейхтенбергские и Ольденбургские принцы. Все украденные деньги он чисто прокутил.

В Совете Министров, бывшем под председательством государя, по поводу засуличского процесса, граф Пален, министр юстиции, внес предложение судить военным судом все преступления, как политические, так и против должностных лиц. Проект этот был встречен сильною оппозициею, и решено судить эти преступления не военным судом, а обыкновенным судом без присяжных, судить уже не в чрезвычайном политическом присутствии, а в судебных палатах, как это было установлено до изменений, сделанных после нечаевского процесса. Не обличает ли такая переменчивость крайнюю шаткость взглядов среди лиц, управляющих Россиею?

¹⁾ Кессель, К. П. См. именной указатель.

15 а п р е л я. — Па-днях гр. Шувалов, адъютант в. к. Владимира Александровича, рассказал мне следующее: несколько лет тому назад, проходя по Эмеу, он увидел в окне фотографа группу, изображавшую императора Александра II, окруженного княжкою Долгорукою и ее приятельницами гр. Гендриковой и г-жею Шебеко. Шувалов зашел в магазин, спросил все имевшиеся там экземпляры этой группы, купил как их, так и клише, которое и разбил тут же. Приехав вскоре вслед затем в Югенгейм, он заметил, что государь к нему постоянно как бы придирался, чтобы сказать что-нибудь неприятное. Он не обращал на это никакого внимания. Рытеев, отозвав его в сторону, сказал ему: «Государь очень недоволен тем, что вы купили известную группу и уничтожили клише; об этом узнали по тому случаю, что государь хотел заказать еще три экземпляра этой группы». — «Я думаю, — отвечал Шувалов, — что я поступил очень хорошо». — «А государь приказал мне передать вам, что вы не имели права этого делать». — «А я вас прошу ему передать, — возражал Шувалов, — что он, как русский государь, не имел права делать подобный портрет». С тех пор, конечно, отношения Шувалова к государю почти прекратились.

Князь Алексей Лобанов назначен послом в Константинополь. Он уже был там посланником и оставил этот пост в 1863 г. Главную причину тому была связь с г-жею Буркене, женою французского поверенного в делах. По смерти г-жи Буркене, Лобанов захотел вернуться к служебным занятиям, но лица, окружавшие Горчакова, как Стремоухов, Катакази и т. п., опасаясь Лобанова, поссорили с ним Горчакова. К этому надо прибавить, что Горчаков, дотоле именовавший Лобанова своим преемником, возымел мысль назначить наследником своего министерского престола сына своего, уже в то время заслужившего единодушное презрение. Тогда Лобанов поступил в министерство внутренних дел, принял место орловского губернатора, а потом товарища министра внутренних дел. Занятие это ничуть не отвечало его вкусам, привычкам и способностям. Он — человек весьма умный, очень образованный, легко пишущий, особенно по-французски, несколько равнодушный, т. е. не принимающий вещей к сердцу, склонный ко всякого рода удовольствиям и развлечениям. В министерстве внутренних дел его положение было не совсем приятное, особенно в последнее время, когда большая часть серьезных дел была выделена очень умному, деятельному и трудолюбивому Макову. Назначение Лобанова в Константинополь последовало довольно неожиданным образом. В. к. Николай Николаевич написал государю, что из разговоров с султаном, его министрами и особенно членами дипломатического корпуса он, в. к. Николай Николаевич, убедился, что если этот пре-

зренный лгунишка Игнатьев возвратится в Константинополь, то дела наши там окончательно испортятся. Получив это письмо, государь остановил отправление Игнатьева, уже назначенного послом в Константинополь, и *motu proprio* ¹⁾ назначил Лобанова. В понедельник 17 апреля за Лобановым приехал курьер, позвавший его к государю. Государь спросил его, примет ли он место посла в Константинополе. «Vous savez, sire, — отвечал Лобанов, — que les volontés de votre Majesté sont sacrées pour moi; si vous croyez que je puisse être de quelque utilité, j'accepterai toute fonction que vous voudrez bien me confier!» ²⁾. Государь очень благодарил его за этот ответ и, поговорив несколько о делах, ввел Лобанова в соседнюю комнату, где уже ожидали собранные в совет: в. к. цесаревич, Владимир Александрович, Михаил Николаевич, Милютин и Гирс. Стали рассуждать о том, с каким титулом послать Лобанова. Гирс предлагал послать его *en mission extraordinaire* ³⁾, но Лобанов возражал, что такого титула не существует ни в каком дипломатическом кодексе и что, приехав в Константинополь, он не желает занять положение ниже других послов. Тогда Гирс предложил *ambassadeur en mission extraordinaire* ⁴⁾. Лобанов согласился на это, и так и был написан проект кредитной [sic!] грамоты, но Горчаков приказал вычеркнуть слова: «*en mission extraordinaire*», сказав: «Est-ce que vous aurez jamais un ambassadeur meilleur que Lobanoff» ⁵⁾.

13 мая. — Переехав сегодня на дачу, имею более, чем в городе времени для восполнения пробелов этой книжки. За последние дни все более занимали петербургскую публику: поездка гр. Шувалова и отставка гр. Палена, в особенности отставка гр. Палена. В последнее время неспособность его высказалась чересчур блестящим образом. После засуличского процесса гр. Пален внес в Государственный Совет свои предположения на тему: надо подтянуть. Первое представление предлагало раздать в судебные палаты политические процессы, сосредоточенные, по мысли того же гр. Палена, в Сенате. Мотивировано это мнение было тем, что все дела политические в настоящее время решены. Одновременно с этим предложено оскорбления, нанесенные чиновникам во время исправления ими служебных обязанностей, судить таким же порядком, как преступления государственные. Обе меры приняты. Первая есть нечто иное, как возвращение к порядку, существо-

¹⁾ По собственному побуждению.

²⁾ «Вы знаете, государь, что воля вашего величества для меня священна: если вы думаете, что я могу быть хоть сколько-нибудь полезен, я приму всякую должность, какую вы благоволите мне поручить».

³⁾ С чрезвычайной миссией.

⁴⁾ Посол с чрезвычайной миссией.

⁵⁾ «Разве у вас будет когда-либо посол лучший, чем Лобанов?»

вавшему до нечаевского процесса, вторая крайне опасна и бессмысленна. Чиновник всегда добивался того, чтобы в глазах народа составлять одно целое с верховной властью, но в этом нельзя было ему уступить потому, что подобная уступка была бы посягательством на значение самой верховной власти, которая стоит выше всяких других властей и потому самому в глазах народа представляется охраною от притеснения какого бы то ни было. Тем не менее оба эти проекта, поддерживаемые, конечно, самим государем, прошли. Тогда Пален внес новое представление: министру юстиции по своему усмотрению исключать, кого захочет, из присяжных поверенных. В соединенных департаментах Государственного Совета это представление было встречено единогласною оппозициею. Тимашев и Валуев, по словам гр. Палена, уговорившие его сделать это представление, оба заявили, что они согласились бы с министром юстиции, если бы видели в его представлении гарантии надзора за деятельностью не одних адвокатов, но также председателей и прокуроров; что обыкновенно адвокатским представлениям отводится широкое поле потому, что председатель позволяет все говорить, а прокурор не умеет ничего возражать, как это и было на засуличском деле. Гораздо сильнее этого возражали, конечно, Победоносцев, Оболенский, Грот. В результате, представление гр. Палена отвергнуто единогласно. Говорят, что, когда он пришел доложить об этом государю, то государь спросил его: неужели и кн. Урусов против, и, получив утвердительный ответ, разрешил Палену взять назад свое представление. Одновременно с этим гр. Пален заявил государю, что, пробыв министром десять лет, чувствует, что при усложнении обстоятельств задача делается ему не по силам, особливо вследствие недоверия своих сотоварищей, т.-е. других министров. Отставка его была принята государем, и, разумеется, теперь только и речи, что о преемниках Палена. Больше других называют кн. А. Ливена и Клушина. О Ливене, который теперь занимает место товарища министра государственных имуществ, говорят, что он человек умный, очень образованный, умеющий говорить и весьма консерватического [sic!] образа мыслей. Все это совершенно справедливо, и я для характеристики его имею прибавить лишь одну сцену, которой был очевидцем. То было лет пять тому назад. Был бал в концертном зале Зимнего дворца. Я стоял возле Ливена в арабской комнате. Государь вышел из малахитовой гостиной и подал руку Ливену, за несколько дней пред тем пожалованному, кажется, в статс-секретари. Ливен, когда государь протянул ему руку, поцеловал эту руку, искусно избрав то место, где не было ни перчатки, ни мундира. Поцелуй раздался на всю комнату. Помню, что я обернулся к кому-то возле меня стоявшему и сказал: «Видно, не мы присоединили Хиву, а Хива нас». Клушин, с которым я имел нескончаемые

истории в Сенате, не глупый, но совершенно сумасбродный, если не сумасшедший старик, деспот, капризный и притом не имеющий понятия о судебном деле. Из Сената он попал на Кавказ, а тотчас вслед затем в Государственный Совет за то, что, по желанию фельдмаршала князя Барятинского, занялся устройством дел его брата, Анатолия, безгранично и неутомимо расходующего все деньги, какие попадут ему под руку — как свои, так и чужие. Еще кандидатами на пост министра юстиции называют государственного секретаря Сольского, впрочем теперь, как говорят, он считается слишком либеральным и слабым, потому что обстоятельства требуют министра, способного «подтянуть». Сольский человек не глупый, не лишенный образования, но преследующий в занятиях государственными делами собственное повышение предпочтительно пред другими целями. Вследствие этого он отменно уклончив, боясь, прежде всего, задеть чье-либо самолюбие. Такие люди всего более у места в списках чиновных особ. Другой кандидат Набоков, бывший статс-секретарь царства Польского, человек крайне посредственный и даже бездарный, не злой, никому не дающий права в чем-либо ему завидовать. Побудительною причиною к назначению Набокова легко могло бы быть то, что по званию статс-секретаря он имел превосходный казенный дом; с закрытием статс-секретариата Набоков лишился казенной квартиры, и семейство его проводит зиму в деревне по Варшавской железной дороге. У министра юстиции дворец, принадлежавший когда-то Миниху; это весьма привлекательная приправа к министерским обязанностям, а с точки зрения государя водворение Набокова снова в казенной квартире могло бы представляться лишь справедливым возмездием. Наконец, называют еще Победоносцева. Он, несомненно, человек умный, в высшей степени образованный и специально ученый по гражданскому праву, безукоризненный, трудолюбивый и при всем том едва ли был бы хорошим министром юстиции. Прежде всего, он всей душой принадлежит к правоведскому товариществу со всеми его слабыми сторонами, для него товарищ по училищу нечто вроде духовного брата, которому во всех случаях жизни, не исключая и служебного повышения, должно быть отдано бесспорное предпочтение пред другими. Сверх того Победоносцев — заклятый клерикал. Внешняя сторона религии составляет для него поприще особенно привлекательной и неутомимой деятельности, а попы, их занятия, их слабости и недостатки — предмет отменной его симпатии. Это направление у нас в России не менее вредно, чем в других государствах. Настроение ума Победоносцева чисто критическое, он никогда ничего не создал и не создаст, но очень хорошо разберет все по косточкам, — совсем не то требуется от министра. Впрочем, его кандидатура если и могла быть серьезною, то должна была покач-

путься в последние дни вследствие вот чего: Победоносцев принял председательствование в комитете о снаряжении крейсеров на случай войны с Англией и в этом качестве послал в «Правительственный вестник» воззвание к русскому народу, написав редактору этой газеты, что, по приказанию цесаревича, воззвание это должно быть напечатано в первом, имеющемся выйти в свет номере. Так и было сделано, и воинственная прокламация появилась в том же номере, где объявлено было о приезде гр. Шувалова с мирными от английского правительства предложениями. Государь тотчас запросил Тимашева о том, как воззвание попало в «Правительственный вестник». Тимашев в ответ послал государю подлинное письмо Победоносцева, на котором государь написал: «Очень сожалею. Я уже сделал цесаревичу за это выговор».

25 мая. — Лондонские переговоры приводят к конгрессу, но до сих пор не решено, кто поедет на конгресс из Петербурга. Кн. Горчаков за последнее время окончательно впал в детство и не помнит того, что говорил за полчаса. Его физическое расслабление дало основательный повод надеяться, что он не поедет. В намерении окончательно убедить его в этом государь поехал к нему из Царского села в Петербург, но дряхлый канцлер объявил, что он чувствует себя совершенно бодрым и намерен ехать в Берлин. Государь не решился достигнуть цели своего визита и, приехав оттуда к фельдмаршалу кн. Барятинскому, сказал ему на вопрос о том, кто едет на конгресс: кажется, что Горчаков. Фельдмаршал Барятинский за последнее время занимается, как говорят, изучением состояния в настоящую минуту наших боевых сил. Как говорят, по ближайшем рассмотрении дела, Барятинский объявил государю, что, по его мнению, Россия решительно не в состоянии вести войну. Достоверно вполне то, что кн. Барятинский, пригласив помогать ему Обручеву, составил план военных действий на случай войны с Австрией и надеялся быть назначенным главнокомандующим, но при обсуждении всего этого Барятинский особенно настаивал на том, что положение главнокомандующего должно быть изменено, и он должен быть поставлен в независимость от военного министра. По внушению Милютина или почему другому, но государь, приехав к Барятинскому, настоятельно заявил, что считает здоровье Барятинского препятствием к тому, чтобы командовать армиею. Раздосадованный Барятинский завтра уезжает к себе в Скерневицы.

Указ об увольнении гр. Палена окончательно подписан. В последний доклад свой у государя, когда, порешив вопрос о своей отставке, гр. Пален стал говорить об обязанности своей указать на преемника и настаивал на том, что никто не соединяет требуемых условий в той степени, как Ковалевский, то государь, по свойственной ему привычке, все время молчал и ни слова не возразил.

Затем сказал, что не решил своего выбора между двумя кандидатами, кн. Ливеном и Набоковым, а когда Пален стал прощаться, то государь сказал ему, что увидит его еще вместе с его преемником.

Прочитал я секретный отчет Грейга, где в особенности много говорится о злоупотреблениях во время войны. Грейг с крайней откровенностью и смелостью говорит о воровстве при поставке провианта, фуража, вообще интендантства, а также лазаретной части. Все это написано очень ловко, потому что, разбивая вприх все управление, он не находит довольно комплиментов для самого государя. При всей этой ловкости отчет среди петербургских административных правов есть положительно блестящее исключение.

3 и ю н я. С у б б о т а. — Уезжаю за границу с младшим моим сыном, который едет лечиться в Бурбуль, и старшим, которого доктор Се отправляет в Люшон.

30 о к т я б р я. П о н е д е л ь н и к. — Возвращаемся целым семейством в Петербург. В самый вечер приезда отправляюсь к Вяземским и Шереметевым сообщить о грустном состоянии здоровья старика князя П. А. Вяземского, виденного мною в Баден-Бадене.

Петербург в каком-то чрезвычайно грустном настроении. По городу рассылаются печатные прокламации и угрозы. Все жалуются, все недовольны; в Турции до сих пор умиротворение не завершено, новый министр финансов Грейг вносит проекты новых налогов, проекты, необдуманные и лишенные общего основания финансового взгляда; каждый министр жалуется на других и все вместе на государя, который в настоящее время находится всецело под влиянием Милютина, человека бесспорно умного, но сделавшегося, в свою очередь, самодержавным, раздражительным, не терпящим противоречия и игнорирующего экономическую, материальную сторону народной жизни. Общественный, умственный, художественный уровень псевдостойличной петербургской жизни, под влиянием разных сил и, прежде всего, зимнедворцовой посредственности, постоянно понижается. Грустные истории слышатся со всех сторон, прибавьте к этому серое небо, густосырой воздух, грязь повсюду, и сделается понятным впечатление человека, приезжающего с международного торжества Парижской выставки.

Вскоре после приезда я написал цесаревичу и получил от него приглашение приехать в Царское село. Здесь сначала заехал к в. к. Владимиру Александровичу, который, по обыкновению, наговорил любезных фраз, которые надо поскорее позабыть. У цесаревича, напротив, обращение самое простое, но внушающее полное доверие. Рассказывая ему, как провел лето, сообщаю, что, согласно его желанию, я купил для него несколько старинного серебра, что видел в Париже Боголюбова, что был в *maison Lafite* у Верещагина и что

весьма советую купить у него все то, что он напишет о последней войне. Разговаривал об Орлове, с которым цесаревич очень дружен, передал ему, что Орлов был у меня перед моим отъездом и, между прочим, разговаривая о делах, передал мне, что на-днях Ваддингтон сказал ему: «Votre langage et celui de votre gouvernement sont parfaitement corrects, mais la conduite de vos agants en Turquie est en complete contradiction avec ce langage» ¹⁾).

К этому надо прибавить, что Игнатьев, находившийся в то время в Париже, не переставал говорить, что он дал государю список лиц, коих надо назначить в Турцию и Болгарию, что лица эти назначены и неминуемо приведут к уничтожению Берлинского трактата и возобновлению Сан-Стефанского.

Все это, — заключил я, — приводит меня к тем мыслям, кои я имел случай излагать пред вашим высочеством, мысли о том, как прискорбно отсутствие единства в нашем правительстве, единства, которому крайне споспешествовало бы расширение совещательных форм. Впечатление о недостатке этом особенно усиливается, когда приезжаешь из страны, которая, подобно Франции, уничтожила все то, что мы привыкли почитать неприкосновенным, где, так сказать, нет правительства, где политические партии производят постоянный раздор между правителями и где, несмотря на то, существует полная безочасность, где народное богатство постоянно умножается, где все идет, ежедневно совершенствуется, а то ли находишь дома? Я приведу слова виденного мною в Париже П. А. Шувалова, который на вопрос мой, какое он вынес впечатление из Петербурга, сказал мне: «Каждый министр ругает других и говорит, что далее так не может продолжаться». Это отсутствие единства в управлении ужасно грустно.

22 н о я б р я. — Возвращается из Ливадии государь. Как говорят, Милютин теперь полновластен. Успехи русского войска на Балканах укоренили его влияние. Бездарным Гирсом государь также очень доволен.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ²⁾.

Абаза, Александр Аггеевич (1821—1895), председатель деп. экономии Госуд. Совета, в 1880—1881 гг. министр финансов.

Абаза, Николай Саввич (1873—1901), главноуполномоченный «Красного креста» и заведующий санитарной частью дунайской армии.

Абдул-Гамид (1842—1918), турецкий султан (низложен в 1909 г.).

¹⁾ «Язык ваш и вашего правительства вполне корректен, но поведение ваших агентов в Турции в полном противоречии с этим языком».

²⁾ Указатель имен составлен Н. П. Чулковым.

Адлерберг, Александр Владимирович, гр. (1818—1888), министр двора.
Акицифьева, Надежда Сергеевна, рожд. Анненкова (1839—1891), во втором браке морганатическая жена герцога Николая Максимовича Лейхтенбергского с титулом графини Богарио.

Александр Александрович, наследник престола (1845—1891), сын Александра II, впоследствии император Александр III.

Александр II (1818—1881), император.

Александр, принц Гессенский (1823—1888), брат императрицы Марии Александровны.

Александров, Петр Акимович (1836—1893), присяжный поверенный, защитник В. И. Засулич.

Алексей Александрович, великий князь (1850—1908), сын Александра II.
Андраши, Юлий, гр. (1823—1890), венгерский государственный деятель, австро-венгерский министр иностранных дел в 1869—1879 гг.

Баранов, Эдуард Трофимович, гр. (1811—1884), генерал-адъютант, член Госуд. совета.

Барятинский, Александр Иванович, кн. (1815—1879), генерал-фельдмаршал, б. наместник на Кавказе.

Барятинский, Анатолий Иванович, кн. (1821—1881), генерал-адъютант.

Безобразов, Михаил Александрович (1815—187...), петербургский уездный предводитель дворянства (1872—1875).

Бейст, гр. Фридрих-Фердинанд (1809—1886), саксонский и австрийский государственный деятель, австрийский посол в Лондоне, б. министр иностранных дел, канцлер и министр-президент (1866—1871), потом посланник в Париже (1878—1882).

Бек, Александр Христианович (1810—1878), непременный член совета министерства иностранных дел, с 7 февраля 1878 г. директор Госуд. архива и С.-Петербургского главного архива министерства иностранных дел.

Бисмарк, Отто, кн. (1815—1895), канцлер Германской империи.

Блудов, Дмитрий Николаевич, гр. (1785—1864), председатель Государственного Совета.

Боголюбов, Алексей Петрович (1824—1896), художник-маринист.

Боголюбов, Архип Петрович, см. Емельянов А. С.

Борис Владимирович, великий князь (р. 1878 г.), внук Александра II.

Брок, Петр Федорович (1806—1875), министр финансов в 1853—1858 гг. и председатель департамента экономии Госуд. Совета в 1862—1864 гг.

Буркене, французский поверенный в делах в Константинополе в начале 1860 гг.

Бычков, Афанасий Федорович (1818—1899), помощник директора (впоследствии директор) Публичной библиотеки.

Ваддингтон, Вильям-Генри (1826—1894), французский министр иностранных дел с 14 декабря 1877 г.

Валуев, Петр Александрович, гр. (1814—1890), министр госуд. имуществ, потом председатель Комитета Министров.

Верещагин, Василий Васильевич (1842—1904), художник.

Виельгорский, Михаил Юрьевич, гр. (1787—1856), придворный садовник, композитор и музыкальный деятель, дом которого был средоточием артистической жизни в Петербурге.

Виктория (1819—1901), королева Англии.

Виктор-Эммануил II (1820—1878), первый король объединенной Италии.

Владимир Александрович, великий князь (1847—1909), сын Александра II. Влаидали, Александр Георгиевич (1824—1898), посланник в Пекине, впоследствии товарищ министра иностранных дел и посол в Риме.

Ворошцов-Вельяминов, Аркадий Павлович (1821—1906), бобруйский уездный предводитель дворянства.

Ворошцов-Дашков, Иларион Иванович, гр. (1837—1916), командующий кавалерией Рущукского стряда, состоявшего под командой наследника, будущего имп. Александра III, впоследствии его министр двора.

Всезоложский, Никита Никитич (—1896), офицер л.-гв. Конного полка.

Вяземский, Петр Андреевич, кн. (1792—1878), поэт, председатель Русского исторического общества.

Гамбургер, Андрей Федорович (1821—1899), статс-секретарь, член совета министерства иностранных дел, помощник председателя Русского исторического общества, впоследствии посланник в Берне.

Гейден, Федор Логгинович, гр. (1821—1900), начальник главного штаба.

Гендрикова, Ольга Игнатьевна, гр. (—1904), рожд. Шебеко, сестра жены брата княжны Е. М. Долгоруковой (Юрьевской), жена обер-церемониймейстера гр. С. А. Гендрикова.

Гирс, Николай Егорович (1820—1895), товарищ министра (потом министр) иностранных дел.

Гогель, Григорий Федорович (1808—1881), в 1849—1859 гг. состоявший при старших сыновьях Александра II Николае, Александре и Владимире, генерал-адъютант, потом управляющий Царским селом.

Горчаков, Александр Михайлович, светл. кн. (1798—1883), государственный канцлер, министр иностранных дел.

Горчаков, Михаил Александрович, светл. кн. (1839—1897), сын канцлера, дипломат.

Градовский, Александр Дмитриевич (1841—1889), профессор Петербургского университета, юрист и публицист.

Грегер, один из поставщиков провианта для действующей армии в 1877—1878 гг.

Грейг, Самуил Алексеевич (1827—1887), государственный контролер, с 1878 г. министр финансов.

Грст, Константин Карлович (1815—1902), член Госуд. Совета.

Гурко, Иосиф Владимирович (1828—1901), ген., команд. передовым отрядом войск на Балканах, впоследствии варшавский генерал-губернатор и генерал-фельдмаршал.

Долгорукова, Екатерина Михайловна, княжна (1847—1922), фрейлина, с 1880 г. морганатическая жена Александра II с титулом светлейшей княгини Юрьевской.

Екатерина Михайловна, великая княгиня (1827—1894), двоюродная сестра Александра II, жена Георга, герцога Мекленбург-Стрелицкого.

Емельянов, Алексей Степанович, земледелец, арестованный под фамилией Архипа Петровича Боголюбова за участие в демонстрации на Казанской площади 6 декабря 1876 г. и подвергнутый в доме предварительного заключения телесному наказанию по распоряжению градоначальника Тренова, что вызвало покушение на жизнь последнего В. И. Засулич; сошел с ума в каторжной тюрьме и умер в Казанской психиатрической больнице после 1885 года.

Жомини, Александр Генрихович, барон (1817—1888), старший советник министерства иностранных дел, ближайший сотрудник Горчакова.

Засулич, Вера Ивановна (1849—1919), стреляла в петербургского градоначальника Трепова 12 января 1878 г. (см. Емельянов А. С.).

Игнатьев, Николай Павлович (1832—1908), бывший посланник в Константинополе, заключил с Турцией Сан-Стефанский мирный договор 19 февраля 1878 г., и министр внутренних дел при Александре III.

Игнатьев, Павел Николаевич (1797—1879), председатель Комитета Министров.

Исаков, Николай Васильевич (1821—1891), главный начальник военно-учебных заведений.

Карамзин, Владимир Николаевич (1819—1879), сенатор, сын историка.

Катакази, Константин Гаврилович (1830—1890), чиновник особых поручений при А. М. Горчакове и один из его ближайших сотрудников в 1860 гг., в 1869—1872 гг. посланник в Вашингтоне.

Кессель, Константин Иванович (1843—), товарищ прокурора Петербургского окружного суда, обвинявший В. И. Засулич, в 1916 г. член Петербургской судебной палаты.

Клушин, Павел Николаевич (1814—1886), сенатор, член Госуд. Совета.

Ковалевский, Михаил Евграфович (1829—1884), сенатор, при Александре III участник сенаторских ревизий и член Госуд. Совета.

Кони, Анатолий Федорович (1844—1927), председатель Петербургского окружного суда, впоследствии сенатор и член Госуд. Совета, известный судебный деятель, оратор и писатель.

Константинович, великий князь (1827—1892), генерал-адмирал, председатель Госуд. Совета, брат Александра II.

Краевский, Андрей Александрович (1810—1889), издатель газеты умеренно-либерального направления «Голос».

Куракин, Александр Борисович, кн. (1752—1818), посол в Париже в 1808—1812 гг.

Лангенау, барон, австрийский посол в Петербурге с 1871 г.

Ларош-Шуар, граф, французский военный агент в Белграде. См. Рошнуар.

Левицкий, Казимир Васильевич (1835—1890), помощник начальника штаба действующей армии на Балканском полуострове.

Ливен, Андрей Александрович, светл. кн. (1839—1913), товарищ (потом министр) госуд. имуществ (уволен за расхищение башкирских земель), при Николае II главноуправляющий учреждениями имп. Марии.

Лобанов-Ростовский, Алексей Борисович, кн. (1824—1896), товарищ министра внутренних дел, бывший посланник в Константинополе (1859—1863), с 1878 г. снова там же посол, при Николае II министр иностранных дел.

Маков, Лев Саввич (1830—1883), товарищ (потом министр) внутренних дел.

Мария Александровна, императрица (1824—1880), жена Александра II.

Мария Николаевна, великая княгиня (1819—1876), сестра Александра II, жена в первом браке герцога Максимилиана Лейхтенбергского и во втором — графа Г. А. Строганова.

Мария Федоровна (1847—1928), цесаревна, потом императрица, жена Александра III.

Мезенцев, Николай Владимирович (1827—1878), шеф жандармов.

Мекленбургский, герцог — или Фридрих-Франц (1851—1897), последний принц (впоследствии великий герцог) Мекленбург-Шверинский, приезжавший в Россию в 1877 г., или Георгий Георгиевич (1859—1909), герцог Мекленбург-Стрелицкий, сын вел. кн. Екатерины Михайловны.

Милан Обренович (1854—1901), князь (потом король) сербский.

Милютин, Дмитрий Алексеевич, гр. (1816—1912), военный министр, впоследствии генерал-фельдмаршал.

Мирский, см. Святополк-Мирский.

Михаил Николаевич, великий князь (1832—1909), наместник на Кавказе, брат Александра II.

Набсков, Дмитрий Николаевич (1826—1904), член Госуд. Совета, с мая 1878 г. министр юстиции.

Непокойчицкий, Артур Адамович (1813—1881), начальник штаба действ. армии на Балканском полуострове.

Николай Максимилианович (1843—1890), герцог Лейхтенбергский, князь Романовский, сын вел. кн. Марии Николаевны.

Николай Николаевич Старший, великий князь (1831—1891), главноком. действ. армией на Балканском полуострове, брат Александра II.

Новиков, Евгений Петрович (1826—1903), посол в Вене, историк.

Оболенский, Дмитрий Александрович, кн. (1822—1881), член Госуд. Совета.

Обручев, Николай Николаевич (1830—1904), профессор военной статистики в академии ген. штаба; при Александре III начальник главного штаба.

Ольга Федоровна, великая княгиня (1839—1891), жена вел. кн. Михаила Николаевича.

Орлов, Николай Алексеевич, кн. (1827—1885), посол в Париже.

Осман-Нури-Гази-паша (1837—1900), турецкий генерал, прославившийся искусной и упорной защитой Плевны, сдался после неудачной попытки прорыва.

Островский, Михаил Николаевич (1827—1901), товарищ госуд. контролера; при Александре III министр госуд. имуществ.

Пален, Константин Иванович, гр. (1830—1912), министр юстиции.

Победоносцев, Константин Петрович (1827—1907), член Госуд. Совета; с 1880 г. обер-прокурор синода.

Попов, Александр Николаевич (1821—1877), историк, член совета Русского исторического общества.

Протасов-Бахметьев, Николай Алексеевич, гр. (1833—1907), генерал свиты, при Николае II главноуправляющий учреждениями имп. Марии.

Раден, Эдита Федоровна, бар. (1825—1885), бывшая фрейлина вел. кн. Елены Павловны, организатор в 1877—1878 гг. санитарных отрядов для помощи раненым.

Ревиндер, Елена Васильевна (1824—1899), рожд. Кочубей, жена К. Г. Ревиндера.

Ревиндер, Константин Григорьевич (—1886), ген.-лейт., потом ген.-адъютант.

Ростовцев, Яков Иванович (1803—1860), начальник главного штаба по военно-учебным заведениям, председатель редакционных комиссий для выработки положения о крестьянах.

Рошшур-де, граф, французский дипломатический агент и генеральный консул в Белграде ¹⁾.

Рылеев, Александр Михайлович (1830—1907), ген.-адъютант, наиболее близкий к Александру II в последние годы его жизни.

Салисбюри, маркиз Роберт-Артур (1830—1903), лидер английской консервативной партии, неоднократно бывший премьером, в 1878 г. секретарь по иностранным делам.

¹⁾ А. А. Половцов ошибочно называет его всемым агентом Ларош-Шуар.

Салтыков, Александр Михайлович (1828—1903), генерал свиты, потом генерал-адъютант.

Святополк-Мирский, Николай Иванович, кн. (1833—1878), ген.-адъютант, командовавший пех. дивизией в войну 1877—1878 гг., впоследствии член Государственного совета.

Скобелев, Михаил Дмитриевич (1834—1882), наиболее популярный из генералов действующей армии в 1877—1878 гг., участник неудачного штурма Плевны 31 августа.

Сольский, Дмитрий Мартынович (—1910), госуд. секретарь; при Николае II председатель Госуд. Совета.

Сперанский, Михаил Михайлович, гр. (1772—1839), автор проектов преобразования России в начале царствования Александра I.

Стремоухов, Петр Николаевич (1823—1885), директор азиатского департамента в 1864—1875 гг.

Суворов, Александр Аркадьевич, светл. кн. (1804—1882), ген.-адъютант, генерал-инспектор пехоты.

Сулейман-паша (1838—1883), турецкий генерал, в войну 1877—1878 гг. командовавший сначала отдельными армиями (в Боснии и Герцеговине, затем южной и с 14 сентября восточной), с 29 октября до 23 декабря главнокомандующий всеми войсками в Европейской Турции.

Сухтелен, Петр Корнильевич, гр. (1751—1836), инженер-генерал, посол в Швеции с 1809 г.

Татаринов, Валериан Алексеевич (1816—1871), госуд. контролер, проводивший отчетную и ревизионную реформы.

Тимашев, Александр Егорович (1818—1893), министр внутренних дел (1868—1877).

Тотлебен, Эдуард Иванович, гр. (1818—1884), военн. инженер, прославившийся под Севастополем в 1854—1855 гг., руководитель осадных работ под Плевной, главнокомандующий действующей армией в Европейской Турции с февраля 1878 г.

Трепов, Федор Федорович (1803—1899), петербургский градоначальник.

Уваров, Алексей Сергеевич, гр. (1824—1884), председатель Московского археологического общества и учредитель Московского исторического музея.

Урусов, Сергей Николаевич, кн. (1816—1883), член Госуд. совета, главноуправляющий II отделением собств. е. и. в. канцелярии, председатель деп. законов Госуд. Совета.

Фелтейзен, Карл Карлович, гоф-маклер.

Фредерикс, Владимир Александрович, бар. (1837—1892), чиновник особых поручений при А. М. Горчакове, которого сопровождал в 1877 г. в Бухарест, в 1878 г. непременный член совета министерства иностранных дел, впоследствии посланник в Штутгарте.

Фукс, Эдуард Яковлевич (1834—1909), прокурор Петербургской судебной палаты, впоследствии сенатор.

Хребтович, Михаил Иринеевич, гр. (1809—1892), обер-камергер.

Чевкин, Константин Владимирович (1802—1875), главноуправляющий путями сообщения (1855—1862) и председатель деп. экономики Госуд. Совета с 1863 г.

Черкасский, Владимир Александрович, кн. (1824—1878), уполномоченный «Красного креста» за Дунаем.

Чернышев, Александр Иванович (1785—1857), в 1810—1811 гг. агент-осведомитель Александра I при Наполеоне, впоследствии военный министр.

Чертков, Михаил Иванович (1829—1905), генерал-адъютант; при Николае II варшавский генерал-губернатор.

Числова (Николаева), Екатерина Гавриловна (1845—1889), балерина петербургских императорских театров, фаворитка вел. кн. Николая Николаевича Старшего.

Шамшин, Павел Иванович (1830—), товарищ министра финансов, впоследствии сенатор.

Швейниц, Лотарь (1822—1901), прусский генерал и дипломат, германский посол в Петербурге в 1876—1893 гг.

Шебеко, Мария Ивановна, рожд. Гончарова (1834—), жена ген. Николая Игнатьевича Шебеко, на сестре которого был женат брат кн. Долгоруковой-Юрьевской.

Шереметьев Сергей Дмитриевич, гр. (1844—1918), адъютант наследника, впоследствии член Госуд. Совета.

Штиглиц, Николай Борисович (1809—1878), член статистического совета министерства внутренних дел.

Шувалов, Павел Петрович, гр. (1817—1902), адъютант вел. кн. Владимира Александровича.,

Шувалов, Петр Андреевич, гр. (1827—1889), бывший шеф жандармов, посол в Лондоне.

Эллиот, сэр Генри (1817—), английский дипломат, туркофил, посланник в Вене в 1877—1883 гг.

Юрьевский, Борис, внебрачный сын Александра II, род. 11 февраля, ум. 30 марта 1876 г.

Юханцев, Константин Николаевич, камер-юнкер, чиновник для особых поручений министерства финансов, кассир Общества взаимного поземельного кредита, за растрату был сослан в Сибирь.
